УДК 316.35, 316.44

ВОСПРИЯТИЕ «НАЦИОНАЛЬНОСТИ» БИЭТНИЧНЫМ РУССКО-УКРАИНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ: ГРАЖДАНСКОЕ VS. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ*

В.В. Бубликов, И.А. Бойко

В статье рассматриваются региональные различия в концептуальном восприятии понятия «национальность» представителями биэтничного русско-украинского населения России. На основе полевых исследований 2020 г. авторы приходят к выводу, что «национальность» в приграничных с Украиной регионах России имеет, как правило, ярко выраженное гражданское значение (*«мы русские, потому что живем в России»*), при этом наличие и украинской идентичности обосновывается чаще территориальной, а не этнокультурной близостью Украины. В регионах Сибири и Дальнего Востока этнонимы «русские» и «украинцы» также нередко ассоциируются с гражданством и страной проживания, но все же более часто (в сравнении с российско-украинским пограничьем) их употребляют именно в этнокультурном значении.

Ключевые слова: *национальность, биэтничность, русско-украинское население, русские, украинцы, перепись населения, гражданство.*

PERCEPTION OF “ETHNICITY” BY THE BIETNIC RUSSIAN-UKRAINIAN POPULATION IN RUSSIA: CIVIL VS. ETHNOCULTURAL

V.V. Bublikov, I.A. Boiko

The article examines regional differences in the conceptual perception of the concept of “Ethnicity” by representatives of the bi-ethnic Russian-Ukrainian population of Russia. On the basis of field research in 2020, the authors come to the conclusion that “Ethnicity” in the regions bordering with Ukraine has, as a rule, a pronounced civic meaning (*“we are Russian because we live in Russia”*), while the presence of Ukrainian identity is also justified more often by the territorial rather than ethnocultural proximity of Ukraine. In the regions of Siberia and the Far East, the ethnonyms “Russians” and “Ukrainians” are also often associated with citizenship and country of residence, but still more often (in comparison with the Russian-Ukrainian borderland) they are used precisely in their ethnocultural meaning.

Keywords: *ethnicity, bi-ethnicity, Russian-Ukrainian population, Russians, Ukrainians, population census, citizenship.*

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00676\20 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

Проблематика изменения подхода к фиксации этнической (в терминологии переписей населения в России – национальной) идентичности жителей РФ является предметом дискуссии в научной и экспертной среде уже не одно десятилетие. Ключевым вопросом становится изменение применявшейся во всех советских и постсоветских переписях возможности фиксации единственной этничности жителей страны или добавления нескольких строк для графы «национальность» с небольшой корректировкой соответствующего вопроса. По оценке В.В. Степанова «от 7 до 20 млн. человек в России могут указать в переписи двойственную национальную принадлежность и родной язык» [Степанов: 153].

Необходимость изменения методологии сбора данных об этническом составе населения назрела давно, поскольку массовые миграционные процессы, урбанизация и, как следствие, рост этнически смешанных браков привели к относительно широкому распространению биэтничности и полиэтничности еще в советский период.

Распад СССР, превращение межреспубликанских границ из во многом номинальных в реальные еще более усилили дуальность этно-национального самосознания людей из этнически неоднородных семей или даже из моноэтничных сообществ, неожиданно оказавшихся в состоянии «диаспор».

Несмотря на общую политическую и общественную либерализацию в 1990-е гг., в том числе и в этнических вопросах, новая форма российской государственности – РФ, взамен подчеркнуто интернационального СССР, стала многими (если не большинством населения) пониматься как государство национальное, в котором русские вне границ национальных республик в составе РФ воспринимаются как «титульная национальность».

В связи с этим на постсоветский период приходится массовый переход бывших представителей национальных меньшинств в состав русских. Прежде всего этот процесс затронул этнические группы, не обладающие своими этнотерриториальными образованиями в составе РФ, насчитывающие большую долю лиц, состоящих в браке с русскими, а также имеющие «свои» государства, что в значительной степени делегитимизировало как среди них самих, так и в глазах окружающих сохранение своей «старой» этничности – белорусы, евреи, немцы, украинцы и др. При этом в реальности люди, изменившие за последние десятилетия «официальную национальность», имеют, как правило, биэтничное самосознание.

Вероятно, крупнейшей группой биэтничного населения России является русско-украинское этносообщество, возникшее благодаря активному участию миллионов украинцев в заселении обширных территорий России, начиная еще с XVII в.

Русско-украинское этносообщество – пример активной политизации, наделения прежде всего гражданским, а не этнокультурным смыслом этнонимов «русский» и «украинец», имевшее место еще в советский период (например, во время репрессий 1930-х гг.), но приобретшее наибольший размах после 1991 г. Выбор русской национальности в документах и при проведении переписей населения стал массовым не только среди потомков русско-украинских браков, что в какой-то степени можно считать естественным, но и в моноэтничных украинских семьях, в ареалах компактного расселения украинцев в России.

Полевые исследования, проведенные летом 2020 г. в пяти субъектах РФ[1], показывают массовое наделение этнонимов «русский» и «украинец» среди самих биэтничных жителей прежде всего гражданским, а не этнокультурным смыслом. Причем, чем территориально ближе расположен регион к Украине, тем чаще восприятие этнонимов как гражданско-политических терминов.

Например, в Белгородской и Воронежской областях в районах компактного проживания смешанного русско-украинского населения (Краснояружский р-н Белгородской обл., Россошанский р-н Воронежской обл.) самовосприятие себя в качестве «русских» практически всегда имеет гражданскую легитимацию, хотя часто сами респонденты общаются на суржике, имеющем несмотря на широкое заимствование русских слов, украинскую языковую основу. На вопрос «Определите сами, кем Вы себя считаете по национальности, этнической принадлежности?» следовал ответ респондента: *«хохламы, руськимы, до России, жывимо всю жизнь в России и до России мы относымся…, хотя раньше в документах пысалы украинци»* (Россошанский р-н, Воронежская обл., жен., 1957 г.р.).

Более того, в пограничных с Украиной регионах наличие и украинской идентичности часто аргументируется не столько украинским происхождением или культурой, сколько территориальной близостью Украины, приграничным характером территории. На вопрос о национальности: *«…смесь, больше русский, но часть украинцем, что-то* [украинское] *тоже есть, мы же рядом»* (Краснояружский р-н, Белгородская обл., муж., 1989 г.р.).

В регионах, территориально удалённых от Украины, наличие и украинской идентичности напротив чаще всего обосновывается украинским происхождением и/или этнокультурными особенностями: *«Я на 75% ассоциирую себя украинцем»* (подсчет по национальности предков) (Павлоградский р-н, Омская

[1] Проведены 100 структурированных интервью с респондентами, имеющими русско-украинскую идентичность (большинство таких респондентов одновременно с русско-украинской идентичностью называют себя «хохлами»), в следующих субъектах РФ: Белгородская обл., Воронежская обл., Омская обл., Алтайский край, Приморский край (в каждом по 20 респондентов). Интервью проводилось по заранее составленному гайду, включающему 60 вопросов.

обл., муж., 1995 г.р.) или *«русская украинка, мы же в России родились, тем не менее, у нас и в паспорте и везде же было написано «украинка», и деды и родители мои украинцы»* (Павлоградский р-н, Омская обл., жен., 1964 г.р.).

Н.В. Люля также считает, что культурные традиции, «в основе которых – историческая память (о своих корнях, местах выхода, истории переселения, диалектах украинского языка)» стали для украинского (по происхождению) населения юга Западной Сибири основой этнического самосознания [Люля: 111].

Таким образом, реальная украинская этнокультурная компонента в идентичности (язык, традиции, наличие связей с жителями Украины), как правило, выше у биэтничного населения приграничных с Украиной российских регионов (Белгородская, Воронежская обл.), но наделение этнонимов «русский» и «украинец» гражданско-политическим смыслом «мешает» таким респондентам однозначно определить себя в качестве «украинцев»; они практически всегда декларируют «русскую» идентичность, которой они заменяют практически не используемый термин «россиянин». К этому же выводу приходит и Т.А. Листова: «определение себя как русские, что показывают и переписи, и устные ответы, имеет в основном смысл гражданской принадлежности к России» [Листова: 163].

В удаленных от Украины регионах Сибири и Дальнего Востока украинские этнокультурные признаки, прежде всего язык, сохранились несколько хуже, чем в приграничных с Украиной регионах[2], но наличие и украинской идентичности чаще всего обосновывается именно происхождением, этнокультурным отличием от «чисто» русского населения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Листова Т.А. Влияние границ на современную этнокультурную ситуацию на юго-западе России // Межнациональные и межконфессиональные отношения в приграничном регионе: состояние и тенденции: сборник материалов международной научно-практической конференции. Курск, 12–13 декабря 2018 года / под общей ред. В.В. Зотова. Курск: Изд-во Академии госслужбы, 2018. С. 161–171.

Люля Н.В. Этническая идентичность потомков украинских переселенцев Алтайского края в период обострения российско-украинских отношений // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / отв. ред.: М.Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 111.

Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / под ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140–154.

[2] Не говоря уже о частоте контактов с жителями Украины или поездок туда.

Бубликов Василий Валерьевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия; v.bublikov@mail.ru

Бойко Ирина Александровна, магистрант кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия.

Bublikov Vasiliy V., Candidate of Sociological Sciences, Associate professor, Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Boiko Irina A., Master's student of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.